

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Текущій моментъ политической жизни страны носить на себѣ всѣ признаки чисто реакціоннаго направленія. Въ силу тѣсной связи, существующей между церковью и политикой, это же направленіе ясно сказывается и въ сферѣ церковно-общественной жизни. Церковная жизнь какъ будто снова замерла. Живые церковные вопросы, которые такъ недавно еще волновали общество, перестали быть предметомъ горячаго обсуждения въ періодической печати. Церковная періодическая пресса какъ будто снова начинаетъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ она жила до т. н. освободительнаго движенія. Общее реакціонное направленіе не допускаетъ ни смѣлаго протеста, ни свѣжей мысли, ни горячаго порыва впередъ.

Но какъ бы ни сильна была реакція, она не въ состояніи уничтожить тѣхъ идей, которыя возникли въ церковномъ сознаниі въ эпоху, предшествующую современному реакціонному моменту. Она можетъ временно подавить это идейное направленіе, она не дастъ возможности выразаться во внѣ такому настроенію, но съ корнемъ вырвать это настроеніе она не въ силахъ. Результатомъ реакціи является всегда то, что преслѣдуемое ею направленіе становится болѣе глубокимъ и пріобрѣтаетъ болѣе широкій кругъ своихъ послѣдователей.

Въ эпоху подъема общественнаго и церковнаго самосознанія въ средѣ церковныхъ людей возникло направленіе, извѣстное подъ именемъ *церковнаго обновленчества*. Общій характеръ этого направленія довольно извѣстенъ. Само собою разумѣется, что въ настоящій моментъ это направленіе не можетъ встрѣчать себѣ сколько-нибудь сочувственнаго приѣма

со стороны церковной власти. Въ глазахъ послѣдней оно, самое большое,—только терпимое зло.

Но не смотря на это, *церковное обновленчество* продолжаетъ жить и находить теперь защитниковъ въ той средѣ, гдѣ раньше о немъ знали скорѣе больше по наслышкѣ. Если раньше это направленіе находило себѣ приверженцевъ главнымъ образомъ среди столичнаго духовенства, то теперь оно проникло въ отдаленную провинцію и здѣсь нашло себѣ такихъ послѣдователей, которые открыто рѣшаются выступать на защиту этого направленія.

Въ „Рижск. Еп. Вѣд.“, а затѣмъ и въ „Владикавказск. Еп. Вѣд.“ напечатана статья подъ заглавіемъ: „Что такое Церковное Обновленчество“, въ которой высказываются очень сочувственные этому направленію взгляды. Самое появленіе этой статьи въ двухъ провинціальныхъ духовныхъ органахъ печати очень знаменательно. Это можетъ служить прямымъ доказательствомъ того, что церковное обновленчество пустило глубокіе корни въ среду церковныхъ людей и что бороться съ нимъ становится все труднѣй и труднѣй. Но еще болѣе характерно самое содержаніе этой интересной статьи.

„Что такое Церковное Обновленчество“?—задаетъ вопросъ авторъ. „Есть-ли это серьезное явленіе въ жизни Церкви, или просто праздная мечта дешеваго либерализма, какъ склонны думать многіе? Что церковное обновленчество заслуживаетъ серьезнаго отношенія къ себѣ со стороны православной Церкви, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Мало того, это отношеніе не должно имѣть только отрицательный характеръ. Церковное обновленіе или обновленчество въ извѣстныхъ предѣлахъ есть не только допустимое, но и вполне законное явленіе. Не даромъ въ числѣ символовъ древнехристіанской церкви мы встрѣчаемъ птицу—феникса, вѣчно возврждающуюся изъ своего праха. Церковь есть постоянно измѣняющаяся въ земныхъ формахъ своего бытія, но никогда не изсякающая по существу своему жизненная сила. Сила эта есть благодать, принесенная Христомъ на землю. Эта благодатная жизнь Церкви усваивается Ея членами чрезъ вѣру, которая есть „поклоненіе Отцу Небесному духомъ и истинною“. Однако, для большинства такая высота подвига вѣры трудно достижима и они избираютъ болѣе доступный для себя путь, а именно посредство формы и

обряда. Здѣсь, на этомъ пути вѣры, чисто идейныя, абсолютно нравственныя отношенія человѣческаго духа къ Богу подмѣняются отношеніями юридическаго выполненія требованій *status quo* для церковнаго строя жизни, который слагается, какъ изъ собственно церковно-обрядовыхъ и каноническихъ установленій, такъ изъ взаимоотношенія ихъ къ строю гражданской жизни. Само собою разумѣется, что такая форма церковной жизни лишь допускается—во вниманіе къ малымъ симъ — допускается, какъ посредствующая ступень къ дальнѣйшему религіозно-нравственному развитію до мѣры—достиженія идеала богоуподобленія. Ясно отсюда, что никакія, даже самыя совершенныя внѣшнія формы религіозной жизни не могутъ почитаться за нѣчто неизмѣнное, непреходящее. Вотъ почему всякій разъ, когда въ жизни Церкви образуется своего рода плотина, которая стремится внѣшней формой и обрядомъ загородить свободное теченіе неизсякаемаго источника благодати и тѣмъ обратить „рѣки воды живой“ въ затхлый и душный для живой души прудъ, незамѣтно и неожиданно плотина просачивается, даетъ проходъ свободной, свѣжей водѣ, и никакія силы не въ состояніи задержать этой воды. Этимъ и объясняется въ существѣ дѣла то обстоятельство, почему самыя суровыя мѣры борьбы съ религіозными сектами не достигаютъ своей цѣли: большинство изъ этихъ сектъ это—тѣ-же ручейки свободной церковной жизни, которые приняли кривое русло, — извращенное направленіе только потому, что они, насильственно прорвавши плотину, не имѣли правильнаго руководства въ своемъ теченіи... Но даже и при такихъ условіяхъ они имѣютъ значеніе для жизни Церкви: достаточно, если плотина прорвалась и дала доступъ свободному теченію тамъ, гдѣ возможенъ былъ застой и омертвеніе. Мы постараемся, однако, отмѣтить такія явленія въ жизни Церкви, когда она сама становилась въ положеніе свободно текущаго ручья жизни противъ заграждающихъ ему путь внѣшне-обрядовыхъ наслоеній и „человѣческихъ преданій“, которыя создавала немощная человѣческая совѣсть... Здѣсь, конечно, рѣки благодатной жизни Церкви, освободившись отъ стѣсненій, имѣли возможность устоять на правильномъ пути.

Уже въ вѣкъ Апостольскій мы видимъ, какъ іудействующіе христіане хотѣли заковать жизнь первой христіанской

общины въ узкія рамки мелочныхъ правилъ, предписаній, обрядовъ и преданій фарисейскаго законничества, настаивая на необходимости для всѣхъ христіанъ исполненія обрядоваго закона Моисея. И Церковь на Іерусалимскомъ соборѣ не усумнилась авторитетно-традиционнымъ формамъ церковной жизни іудейства противопоставить новый духъ свободаго ученія Христа, ибо Она знала, что въ противномъ случаѣ христіанству предстояла опасность обратиться въ іудействующую секту. Въ этомъ историческомъ обстоятельстве жизни Церкви должно усматривать не иное что, какъ одну изъ формъ церковнаго обновленія. То же самое представляетъ изъ себя событіе раздѣленія церквей... Пасеніе овецъ словеснаго Христова стада авторитетомъ внѣшней власти оказалось очень заманчивымъ,—болѣе заманчивымъ, чѣмъ пасеніе добрымъ примѣромъ. И если одна половина Церкви—паства, міряне—хотѣла стѣснить свободное теченіе церковной жизни внѣшней формой и обрядомъ,—то другая половина Ея—іерархія хотѣла положить оковы авторитетомъ внѣшней своей власти. Дѣло не замедлило здѣсь зайти такъ далеко, что возникло стремленіе замѣнить живой христіанскій принципъ любви принципомъ безусловнаго, слѣпago повиновенія quasi — непогрѣшиму авторитету Римскаго Первосвященника. Если бы это случилось, то вмѣсто христіанства,—міровой религіи, мы имѣли бы дѣло съ узко-кастовой доктриной, оправдывающей только честолюбивыя притязанія іерархін. Но этого не случилось и не могло случиться. Церковь предпочла консервативному началу папскаго авторитета протестъ во имя свободаго развитія жизни Церкви въ духѣ Христова братства и любви. Таковъ, безъ сомнѣнія, идейный смыслъ, скрывающійся за многосложностью историческихъ событій времени раздѣленія церквей. Если мы далѣе обратимся къ исторіи Церкви Русской, то увидимъ то же самое. Русскіе книжники XVII в., гордившіеся православіемъ и въ то же время рѣшительно его не понимавшіе, хотѣли свести всю его сущность къ одному точному до единой іоты выполненію требованій и правилъ церковно-богослужебныхъ книгъ. И Церковь опять въ глубинѣ своей неисчерпаемой сокровищницы жизни нашла силы для обновленія омертвѣвающей идеи православія, вступивъ на путь свободаго отношенія къ обряду (при неизмѣняемости самой сущности правосла-

вія), хотя этотъ шагъ и сопровождался печальными послѣдствіями раскола.

Такъ всегда было и будетъ, что идеальная сторона жизни Церкви по временамъ вынуждается преодолевать преграду, которую ей ставить на пути немощная религіозная совѣсть въ видѣ непререкаемости внѣшней формы и обряда, и причина такого явленія лежитъ гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ: она скрывается въ самой природѣ человѣка, куда грѣхъ внесъ постоянный разладъ. Грѣхъ удалилъ человѣка отъ Бога. Богъ сталъ представляться ему далекимъ, грознымъ, гнѣвнымъ Существомъ. Чтобы приблизиться къ Нему, человѣкъ старается угодить Ему и готовъ на всякую жертву, лишь бы заслужить Его милость. Такъ возникаютъ религіозно-нравственныя обязанности человѣка съ характеромъ и значеніемъ жертвы. На высшей ступени—идеальной—религіозныя обязанности съ указаннымъ характеромъ являются выраженіемъ высшаго, совершеннѣйшаго религіознаго самосознанія: человѣкъ жертвуетъ всѣмъ для Бога, отказывается отъ всего во имя своего религіозно-нравственнаго усовершенствованія до идеала богоподобія. Но на такой религіозный подвигъ способны немногіе; о нихъ говорилъ Христосъ: „могій вмѣстити, да вмѣститъ“. Но „не вси вмѣщаютъ“... Большинство, удерживая за своими религіозными обязанностями характеръ и значеніе жертвы, жертвуютъ для Бога не всѣмъ, а лишь исполненіемъ, часто только внѣшнимъ, религіозно-обрядовыхъ установленій и правилъ, каковыя въ большинствѣ случаевъ есть просто „человѣческія преданія“. Жертву для Бога такіе люди, помимо исполненія обрядовъ своей вѣры, хотятъ найти въ гоненіи и искорененіи вѣры другихъ, несогласныхъ съ ними. Такая религіозность есть самый низшій разрядъ ея: здѣсь возможны нелѣпыя суевѣрія, изувѣрство и фанатизмъ. Эту-то религіозность и обличалъ Спаситель, говоря не разъ: „милости хочу, а не жертвы“. Въ противоположность указанной—религіозность другаго рода исходитъ изъ новозавѣтнаго, христіанскаго понятія о Богѣ, какъ Любящемъ Отцѣ. Эта религіозность оставляетъ за религіозно-нравственными обязанностями характеръ и значеніе жертвы, но только въ высшемъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ, какъ отданіе всего себя Богу по безграничной сыновней любви къ Нему, подобно міровой

жертвъ Христа. Но сознавая, что такая жертва возможна и въ дѣйствительности бываетъ со стороны избранниковъ духа, „могущихъ вмѣстить“, люди указанной религіозности хотятъ, чтобы и немогущіе вмѣстить, простые смертные имѣли здоровую вѣру, чтобы они, живя въ мірѣ и для себя, располагали бы, однако, такъ свою жизнь и земную дѣятельность, чтобы она была обнаруженіемъ столько же любви къ себѣ, сколько любви къ Богу... Здѣсь, конечно, человекъ и не всѣмъ жертвуетъ для Бога, но то, что онъ жертвуетъ, есть дѣйствительно жертва, дѣйствительная цѣнность, — жертва дѣла, а не виѣшняго, формальнаго выполненія разныхъ обрядовыхъ установленій, къ чему сводится обычная религіозность большинства, какъ мы говорили выше. Идеаль всегда останется идеаломъ, но возможны различныя ступени приближенія къ нему...

Если послѣ всего сказаннаго мы обратимъ вниманіе на современное обновленческое движеніе, то за вычетомъ нѣкоторыхъ наслоеній поверхностнаго либерализма мы можемъ отмѣтить въ немъ и серьезную идею. Мысли церковно-обновленцевъ въ существѣ своемъ сводятся къ слѣдующему: говорить, что господствующая церковь проповѣдуетъ исключительно аскетическій идеаль жизни, который по своей малодоступности остается безъ вліянія на обычную жизнь большинства; влѣдствіе этого вся религіозность простыхъ смертныхъ исчерпывается исполненіемъ однѣхъ церковно-обрядовыхъ повинностей. Даже и церковныя таинства обратились въ такого же рода повинности, вмѣсто того, чтобы служить живой потребности души... Пастырство стало чиновничествомъ, слѣдящимъ за исполненіемъ церковно-обрядовыхъ повинностей. Вся жизнь Церкви—живого тѣла Христа свелась къ канцелярскому дѣлопроизводству. Приобщить большинство къ религіознымъ идеаламъ жизни, сдѣлать жизнь людей религіозной съ ея обычными интересами и дѣлами, приблизить пастырство къ живой душѣ пасомыхъ, сдѣлать его вліятельнымъ въ обычной общественной жизни, сдѣлать благодатную жизнь Церкви „закваской“ жизни социальной и тѣмъ содѣйствовать наступленію Царства Божія среди людей,—такова въ существенномъ идея современнаго церковнаго обновленчества въ его лучшихъ представителяхъ. И въ такомъ видѣ обновленчество не можетъ быть врагомъ

Церкви и, безъ сомнѣнія, при современныхъ условіяхъ жизни Церкви могло бы принести существенную пользу.

Но тутъ ставятъ возраженія: обновленчество слишкомъ оземляетъ религію, приобщая ее къ земнымъ интересамъ. Обновленцы проповѣдуютъ о Царствіи Божіемъ здѣсь на землѣ и забываютъ о Царствіи Небесномъ. Однако о такихъ обновленцахъ у насъ нѣтъ рѣчи. Да кромѣ того, если нѣкоторые изъ обновленцевъ слишкомъ подчеркиваютъ идею Царствія Божія на землѣ, то этимъ они предохраняютъ насъ отъ другой крайности—обычно ужь слишкомъ разграничиваютъ небо отъ земли, духъ отъ матеріи, Бога отъ человѣка. Между тѣмъ не даромъ Сынъ Божій сходилъ и жилъ на землѣ... Царство Божіе нельзя сосредоточивать только на небѣ. Оно, по слову Спасителя, не приходитъ замѣтнымъ образомъ... Начинаясь „внутри насъ“, оно организуется здѣсь на землѣ и получаетъ завершеніе на небѣ. Истинный христіанинъ живетъ въ царствіи Божіемъ уже здѣсь на землѣ. Соответственно съ этимъ наступленіе будущаго небснаго Царствія не будетъ чѣмъ-либо внезапнымъ... Оно совершится въ условіяхъ той же „земли“ и того же неба, только обновленныхъ (2 Петр. III, 13). И человѣкъ будетъ жить въ Царствіи не духомъ только, но и тѣломъ. Значитъ, элементы Царствія Божія здѣсь на землѣ войдутъ составною частью въ Царствіе Небесное. Христіанство отнюдь не проповѣдуетъ, что міръ самъ по себѣ есть зло. Оно не проповѣдуетъ буддійской Нирваны, какъ отреченіе отъ добра и зла въ мірѣ, а учитъ объ утвржденіи человѣка въ добрѣ въ условіяхъ земной жизни, дабы она была приготовленіемъ для будущей. Въ этомъ отличіе православія отъ мистическаго Востока и вмѣстѣ связь съ практическимъ Западомъ, въ этомъ его міровое значеніе. Вотъ почему, какъ въ Евангеліи, такъ и посланіяхъ Апостольскихъ говорится о Царствіи Божіемъ безразлично какъ уже о наступившемъ, такъ имѣющимъ уже наступить. Съ этой точки зрѣнія обвинять обновленцевъ въ противоцерковности едва-ли возможно, церковность и можетъ быть понимаема, съ одной стороны, какъ благодатная жизнь упованіемъ на небѣ, съ другой—какъ водвореніе благодатныхъ началъ любви христіанской здѣсь на землѣ.

Между тѣмъ послѣднее пониманіе у насъ часто не при-

знается. Пастырь напр., выступившій, хотя нѣсколько, изъ сферы однѣхъ церковно-богослужебныхъ обязанностей, не премѣнно заподозрѣвается въ отсутствіи пастырскаго дѣла. Характеренъ въ данномъ случаѣ рассказъ Потапенко — „Исполнительный Органъ“, гдѣ рассказывается о томъ, какъ одинъ изъ членовъ причта, помимо своихъ обычныхъ обязанностей чтенія и пѣнія на клиросѣ, рѣшили организовать общественную помощь голодающимъ. Большинство его знакомыхъ, не зная, чѣмъ объяснить его такое необычное поведеніе, просто напросто рѣшили, что онъ „не въ своемъ умѣ“. Вотъ до какой церковной узости можно дойти. И отъ нея то, можетъ, и суждено Промысломъ обновленчеству предохранить православіе.

Во всякомъ случаѣ мы не должны игнорировать обновленческаго движенія, чтобы не пропустить какого-либо важнаго момента, что неоднократно случалось въ исторіи религіозной мысли. Иудеи, напр., ослѣпшіе въ своемъ обрядовомъ законничествѣ, проглядѣли міровое событіе — пришествіе Сына Божія на землю, безъ чего вся ихъ религія, имѣвшая прообразовательное значеніе, потеряла свой смыслъ. Далѣе, Церковь римско-католическая за авторитетомъ церковной іерархіи и обряда, просмотрѣла свободное развитіе Церковной жизни. Церковь Протестантская, увлекшись свободой, упустила изъ вниманія важное значеніе авторитета іерархіи и обрядовой стороны Церкви и т. д. Православію можетъ быть только теперь суждено выступить на болѣе широкую жизненную историческую арену. Посему и важно, чтобы оно ничего не забыло и все приняло во вниманіе. Съ этой точки зрѣнія необходимо, чтобы на предстоящемъ Всероссійскомъ соборѣ было достаточное количество лицъ, какъ облеченныхъ авторитетомъ церковной традиціи, такъ и лицъ, исполненныхъ благихъ пожеланій здороваго церковнаго обновленія по духу свободы Христовой“.

Таково содержаніе названной статьи. Не со всеми разсужденіями автора можно соглашаться, но нельзя не признать, что его взглядъ на роль и значеніе обновленческаго направленія и его заключительное пожеланіе заслуживаютъ серьезнаго вниманія и полнаго одобренія.

Съ заключительнымъ пожеланіемъ автора могутъ согласиться всѣ искренне настроенные и глубоко религіозные

люди. Но, къ сожалѣнiю, и теперь уже можно предвидѣть, что едва-ли осуществится это горячее желанiе. Авторъ надѣется, что предстоящiй церковный соборъ можетъ обновить нашу церковь по духу свободы Христовой. Но по всемъ признакамъ, соборъ едва-ли сможетъ это сдѣлать. Весьма характерно отмѣтить, что о предстоящемъ соборѣ говорятъ и пишутъ теперь рѣдко и какъ-то неохотно. „Прежде соборъ казался заманчивымъ оазисомъ, куда устремлялась вѣрующая душа, ища тамъ осуществленiя своихъ лучшихъ религиозныхъ надеждъ; теперь онъ оказался укромнымъ пристанищемъ для однихъ только князей Церкви. Соборъ поэтому служить теперь предметомъ скорѣе лѣниваго воспоминанiя, нежели горячаго обсужденiя; и печать дѣйствительно лишь изрѣдка вспоминаетъ о немъ, какъ принято вспоминать въ извѣстные дни высокопоставленныхъ покойниковъ. Онъ еще не былъ, онъ впереди, но онъ уже почти умеръ... Онъ еще не родился на свѣтъ Божiй,—но значенiе его уже дискредитировано его оффиціальными воспрiемниками и сведено до *minimum'a*. „Это *наше* дѣло“,—сказали они. „Только нами держится церковь, вы же отойдите отъ ограды церковной, дабы не запачкать ее своими грѣшными руками“,—вотъ *скорбный* мотивъ, проникающiй собою предсоборную дѣятельность церковныхъ „верховъ“. Неудивительно, что давно желаннаго гостя теперь ждуть съ холодной душой... Онъ едва-ли затронетъ нѣжныя невидимыя струны народной души... Онъ окруженъ будетъ великолѣпiемъ и блескомъ. Онъ придетъ подъ шумъ колоколовъ. Все это мы услышимъ, слышимъ и доселѣ; но услышитъ-ли онъ наши религиозныя муки и томленiя, позволить-ли онъ *намъ самимъ* прикоснуться къ нему и удостовѣриться въ его дѣйственности, какъ сдѣлать это нѣкогда, съѣдаемый ядомъ сомнѣнiя *Θома*, исцѣленный и согрѣтый любовью *Богочеловѣка*“. (Ц. О. Ж., 10). Можетъ быть, предстоящiй соборъ и выслушаетъ „религиозныя муки и томленiя“, но сдѣлаетъ-ли онъ что-либо для облегченiя этихъ мукъ—это сомнительно. Сомнительно не потому только, что на соборѣ будутъ *рѣшать* одни только епископы, а потому, что все это не входитъ въ его программу. Программа предстоящаго собора имѣетъ въ виду нормировку только лишь внѣшней стороны церковной жизни, стремленiя же обновить духъ церкви и внутреннее содержа-

ніе ея здѣсь не видно. „Не сомнѣваемся, пишутъ „Ворон. Еп. Вѣд.“, что внѣшнія условія жизни церковной въ свою очередь составляютъ необходимыя условія и внутренняго оздоровленія церковнаго организма; но и отъ простаго наблюдателя не можетъ укрыться то, какъ мало можно ожидать отъ предстоящаго собора въ области духа вѣрующаго, въ области распорядка внутренней жизни человѣка. Какъ мало рассчитаны наши реформы на подъемъ религіозной жизни; онѣ не захватываютъ самой глубины, сути нашей вѣры, онѣ мало касаются той стороны, которая живитъ духъ. Всякій понимаетъ, что духовное наше усовершенствованіе ни на одну іоту не подвинется впередъ оттого, что у насъ будетъ патріархъ, вмѣсто 4—9 митрополитовъ и т. д. и т. д.; все это ничего не дастъ для духовной жизни и вѣрующаго, если одновременно съ этимъ, а пожалуй и раньше не будутъ указаны дѣйствительныя средства къ поднятію и возрожденію духа человѣческаго“. Но соборъ врядъ-ли дастъ эти средства; повидимому, онъ пройдетъ мимо этой кричащей нужды и тогда, конечно, значеніе его будетъ ничтожно. Последнія извѣстія еще болѣе убѣждаютъ насъ въ этомъ. Если раньше еще можно было надѣяться, что передъ соборомъ будутъ указаны всѣ внутреннія болѣзни церковнаго организма, что соборъ вынужденъ будетъ хотя бы только и выслушать религіозныя муки и томленія вѣрующей души, то теперь и эта надежда по-немногу рушится. При Св. Синодѣ учреждено особое совѣщаніе для разработки вопроса *о церковныхъ реформахъ*. Если это совѣщаніе и не замѣнитъ собой собора, то во всякомъ случаѣ то, что оно постановитъ, будетъ проведено и на соборѣ. Этому совѣщанію, по разъясненію „Церковнаго Вѣстника“, будетъ принадлежать рѣшающее значеніе. Соборъ соберется для того, чтобы выслушать постановленіе этого совѣщанія и не возражая принять ихъ. Соборъ будетъ непродолжителенъ, по заявленію „Церковныхъ Вѣдомостей“, ибо, если на Соборѣ будутъ участвовать всѣ правящіе епископы, то едва-ли будетъ удобно всѣ епархіи, на всемъ пространствѣ имперіи, долгое время оставлять безъ архипастырей... Съ другой стороны, самая многочисленность членовъ Собора, въ составѣ котораго съ совѣщательнымъ голосомъ будутъ допущены члены клира и міряне, едва-ли будетъ удобна для детальной и скорой разработки

вопросовъ“. Поэтому, по открытіи засѣданій Собора, на первомъ планѣ будетъ поставлено не то, чтобы онъ возможно обстоятельнѣе обслѣдовалъ всѣ вопросы, а то, чтобы онъ не затянулся. А если такъ, то ясно, что Соборъ будетъ поставленъ въ необходимость выбирать одно изъ двухъ: или развѣхаться не окончивъ дѣла, или принять тѣ проекты, которые будутъ выработаны особымъ совѣщаніемъ. Дѣло Собора переносится въ канцелярію и здѣсь вопросъ о церковныхъ реформахъ долженъ получить окончательное разрѣшеніе. А уже до канцеляріи едва-ли дойдетъ вопль измученной религіозными томленіями глубоко—вѣрующей и страждущей души.

А между тѣмъ въ лонѣ Православной Церкви происходятъ такія явленія, которыя заставляютъ глубоко призадуматься всѣхъ тѣхъ, кому дороги ея интересы, и которыя, даютъ поводъ опасаться за ея будущность. Эти явленія прямо указываютъ на то, что, если не произойдетъ внутренняго обновленія церкви, она постепенно будетъ терять своихъ членовъ. Событіемъ даннаго момента, приковывающимъ къ себѣ вниманіе всего общества, является переходъ архим. Михаила въ старообрядчество. Архимандритъ Михаилъ, бывший экстраординарный профессоръ Петербургской дух. академіи, видный церковно-общественный дѣятель и публицистъ, авторъ многихъ живыхъ и талантливыхъ брошюръ,—слишкомъ опредѣленная и крупная величина, чтобы фактъ его перехода въ старообрядчество можно было обойти молчаніемъ. Дѣйствительно, въ печати очень много удѣлено было вниманія этому событію. Причемъ самый фактъ освѣщался и оцѣнивался различнымъ образомъ. Консервативные органы видѣли въ этомъ поступкѣ арх. Михаила послѣднее и яркое доказательство низости его натуры, всегда заставлявшей его торговать своею совѣстью и своими религіозными и политическими убѣжденіями. Либеральная же печать оправдывала его и старалась устранить всякія подозрѣнія о какихъ-то скрытыхъ замыслахъ арх. Михаила, рѣшившагося на такой смѣлый шагъ. Мы не можемъ подробно останавливаться на выясненіи причинъ, побудившихъ арх. Михаила оставить православіе и перейти въ старообрядчество; мы лишь въ формѣ нѣкотораго предположенія скажемъ: не является-ли уходъ арх. Михаила изъ лона православной церкви отчасти

вынужденнымъ шагомъ, не лежитъ-ли часть вины и отвѣтственности и на совѣсти современныхъ православныхъ дѣятелей? Можетъ быть недостаточно отечески отнеслась наша высшая церковная власть къ этой исполненной благихъ порывовъ и мучительной религіозной жажды мятежной и томящейся душѣ? Не была-ли она въ отношеніи къ арх. Михаилу гораздо строже и суровѣе, чѣмъ къ другимъ, позволявшимъ себѣ рѣзко и открыто высказывать порицаніе и даже брань по ея адресу? Соблюла-ли она въ этомъ случаѣ требованіе справедливости, предписывающее карать всякаго дерзко возстающаго противъ высшей власти? Не является-ли уходъ арх. Михаила слѣдствіемъ мучительно-яснаго представленія о томъ разладѣ между словомъ и дѣломъ, между теоріей и практикой, какой онъ болѣзненно ощущалъ въ своей прямой, несогласной на компромиссы душѣ, какъ сынъ православной церкви? Не ушелъ-ли онъ въ старообрядчество потому, что здѣсь, хотя и нѣтъ желанной имъ полной свободы духа, но все-же и не такъ замѣтенъ этотъ поразительный внутренній разладъ? Но какъ бы то ни было, независимо отъ той или иной оцѣнки, фактъ перехода бывшаго архимандрита Михаила въ старообрядчество во всякомъ случаѣ долженъ побудить власть имущихъ задуматься надъ этимъ грустнымъ событіемъ.

И это тѣмъ болѣе, что оставленіе православной церкви бывшимъ архимандритомъ Михаиломъ—фактъ не единичный. Въ послѣднее время уходъ изъ православной церкви іерархическихъ лицъ—явленіе нерѣдкое. По сообщенію „Колокола“ недавно перешелъ изъ православной церкви въ старообрядчество свящ. Игнатій Ельцовъ, Хвалынского у., Полтавской губ. *Саратовскій Листокъ* сообщаетъ о переходѣ къ пріемлющимъ священство старообрядцамъ православнаго священника изъ села Верхней Чернавки, Вольскаго у., о. Луцкаго. Были переходы православныхъ священниковъ къ старообрядцамъ и раньше. Была попытка перейти въ старообрядчество со стороны іеросхимонаха Высокогорской пустыни (близъ Арзамаса) Макарія (Газ. „Мининъ“, изд. въ Н.-Новгородѣ).

Вслѣдъ за пастырями оставляютъ православную церковь и пасомные. На состоявшемся 26 октября засѣданіи Синода Г. Оберъ-Прокуроръ официально отмѣтилъ, что послѣ манифеста о свободѣ совѣсти замѣчается усиленное отпаденіе

отъ православія среди инородцевъ Европейской и Азіатской Россіи. Отпаденіе отъ православной церкви происходитъ довольно часто и среди русскихъ, живущихъ въ инородческихъ краяхъ. На Московскомъ сѣздѣ лютеранскихъ пасторовъ было указано, что число оставившихъ православіе и перешедшихъ въ лютеранство равняется девяти тысячамъ. По одной Кіевской губ. со дня изданія закона о вѣротерпимости переходъ изъ православія въ другія вѣроисповѣданія выразился по 1 сентября 1907 года въ слѣдующихъ цифрахъ: перешли изъ православія въ католичество 635 человекъ обоого пола, въ іудейство—64 (крещенные евреи), въ лютеранство—43, въ баптизмъ—130, а всего перешедшихъ 872 чел. Это выходитъ болѣе двухъ человекъ на каждый день. Сообща объ этомъ, корреспондентъ „Слова Правды“ замѣчаетъ: „Какъ же, слѣдовательно, замѣтно должна таять паства господствующей церкви если, она каждый день теряетъ болѣе, чѣмъ по одному своему сыну, не нашедшему въ религіи удовлетворенія своей душѣ“. Да, дѣйствительно, положеніе очень серьезное!

Гдѣ же кроются причины этого? Что заставляетъ бѣжать и искать спасенія въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ и религіозныхъ обществахъ? Трудно со всею полнотою отвѣтить на этотъ вопросъ. Но несомнѣнно только одно, что оставлять православіе заставляетъ людей полная неудовлетворенность тѣмъ, что даетъ православная Церковь, глубокое недовольство ея строемъ. Такова общая причина. Но эта неудовлетворенность и это недовольство вызываются у разныхъ людей ближайшимъ образомъ различными частными причинами. Но если эти частныя причины объединить въ одно цѣлое, суммировать ихъ, то придется признать, что недовольство православною церковью вызывается сознаниемъ несоотвѣтствія въ православной церкви между тѣмъ, что должно быть, по ея ученію, и тѣмъ, что представляетъ ея жизнь въ своихъ проявленіяхъ. Ничто такъ обычно не отталкиваетъ одного человека отъ другого, какъ его непослѣдовательность его внутренняя фальшь. Это же несомнѣнно имѣетъ мѣсто и въ отношеніи цѣлыхъ общественныхъ группъ, какъ религіознаго характера, такъ и чисто гражданскаго.

Вотъ почему большинство церковныхъ людей,—людей, которыхъ нельзя заподозрить въ отсутствіи искренности и

глубокой религіозности,—такъ сильно настаиваютъ на необходимости скорѣйшаго созыва собора. Они глубоко вѣрятъ, что соборъ можетъ исцѣлить язвы церковнаго организма, можетъ обновить жизнь церкви.

Мы указали, что недовольство православною церковью вызывается различными частными причинами. Одною изъ такихъ частныхъ причинъ, заставляющихъ нерѣдко порывать совсѣмъ связь съ православною церковью, особенно лицъ изъ простонародья, является практикующаяся у насъ система матеріальнаго обезпеченія духовенства. Господствующій въ настоящее время способъ содержанія духовенства, по заявленію „Ряз. Еп. Вѣд.“, грозитъ потрясеніемъ строя народной жизни и подрываетъ въ народѣ православіе. „Какъ ни мало даетъ каждый отдѣльный крестьянинъ своему священнику съ причтомъ, читаемъ мы здѣсь, все же онъ считаетъ свое подаяніе милостынею, а не долгомъ: видя же, что за этой милостынею идутъ къ нему, какъ за положеннымъ, онъ раздражается, оскорбляясь въ своей амбиціи, и постепенно болѣе и болѣе крѣпнетъ во враждебномъ отношеніи къ обирающимъ его, какъ онъ мыслить... Отсюда произошли различныя насмѣшливыя прозвища и выраженія по адресу духовенства. Отсюда же и приговоры на мірскихъ сходахъ, чтобы за требы не давать священнику болѣе опредѣленной, весьма минимальной платы, а нарушителей приговора штрафовать водкой въ пользу міра.—Здѣсь же въ значительной мѣрѣ кроется причина и того, почему у насъ всякій краснобай мужикъ, даже баба, могутъ создавать каждый свою секту и находятъ приверженцевъ къ ней, а ученые іереи не имѣютъ силъ противодѣйствовать распространенію ея: недовольство духовенствомъ за его сборы весьма часто порождаетъ затѣйщиковъ сектъ, и каждое слово ихъ противъ законныхъ пастырей, брошенное толпѣ, проникнутой тѣмъ же недовольствомъ, попадаетъ, какъ искра въ порохъ и производитъ взрывъ.—Отторгшіеся съ этимъ взрывомъ отъ Церкви не нарадуются своему новому положенію, что теперь они уже плательщики „попамъ“, а убѣждать ихъ въ томъ, что они черезъ отпаденіе отъ православной церкви лишаются благодатныхъ средствъ ко спасенію, нѣтъ даже и возможности прежнимъ ихъ пастырямъ: въ церковь ходить перестали и къ себѣ въ домъ ихъ не примутъ. Если же иные сектанты и ходятъ въ церковь,

то онъ этого внутреннее враждебное отношеніе ихъ къ духовенству не измѣняется: они уже предубѣждены своими учителями, что всѣ рѣчи и проповѣди священниковъ ведутся не къ вѣчному спасенію прихожанъ, а только къ удержанію ихъ въ оградѣ Церкви, а затѣмъ и къ собиранію съ нихъ дохода себѣ. Силы богословскихъ сужденій и доводовъ понимать они не хотятъ, потому что сердце ихъ уже подкуплено въ пользу своихъ учителей... Чѣмъ обыкновенно сопровождаются пренія съ сектантами? Изрѣдко обратится къ православію одинъ человѣкъ, одно семейство, а тысячи коснѣютъ въ тѣхъ-же заблужденіяхъ, обличеніе которыхъ даже сами они поняли, и новыя тысячи отторгаются отъ Церкви“.

На все это необходимо обратить самое серьезное вниманіе. „Секты множатся чуть не съ каждымъ днемъ.... Нужно употреблять мѣры къ тому, чтобы остановить въ народѣ это совращеніе съ единаго дѣйствительнаго пути ко спасенію въ Церкви православной на пути ложные... И прежде всѣхъ правительству слѣдуетъ придти на помощь Церкви, устранивши освобожденіемъ прихожанъ отъ непосредственнаго содержанія церковнаго клира одинъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ отторженіямъ отъ православія. Въ такомъ случаѣ не станетъ выгоды въ уходѣ изъ ограды Церкви. Тогда сама собой начнетъ рушиться прелесть увлеченія сектантствомъ: пасомые, не смущаемые корыстными расчетами, будутъ постоянно подвигаться къ ясному и отчетливому пониманію всей правоты и значенія православія, а сердце ихъ утвердятся въ преданности Христовой Церкви“.

Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства дѣйствительно заслуживаетъ серьезнаго вниманія и рѣшеніе его не терпитъ отлагательства. Существующій способъ содержанія духовенства унижаетъ авторитетъ священника не только въ глазахъ простаго народа, но и въ средѣ болѣе культурныхъ и интеллигентныхъ людей, которые при всемъ своемъ уваженіи къ сану священника не могутъ подавить въ себѣ какого-то брезгливаго чувства при видѣ служителя алтаря, принужденнаго подъ благовидными предлогами „обивать пороги“ своихъ прихожанъ.

Н. Высоцкій.